

Смешной детектив

В. Гусев

Привет от тети Моти

ЧЕРНЫЙ КОТЁНОК РЕКОМЕНДУЕТ

Дети Шерлока Холмса

Валерий Гусев

Привет от тети Моти

«ЭКСМО»

2004

Гусев В. Б.

Привет от тети Моти / В. Б. Гусев — «Эксмо», 2004 — (Дети Шерлока Холмса)

Старший брат Дима отправляется со своим школьным театром на гастроли в Краснодарский край. Младший брат Алешка едет в военную часть, которой командует дядя Боря – бравый полковник-танкист. Алешка становится в части «сыном полка». Несет нелегкую воинскую службу со свойственными ему находчивостью и ловкостью. Обретает верных друзей и тайных врагов. Совершенно случайно он узнает о том, что два нерадивых бойца готовят хищение с армейских складов боевого оружия для какой-то преступной группировки. Чтобы предотвратить это преступление, Алешка пускает в ход весь свой арсенал: ум, хитрость, сообразительность и... бронебойные танковые снаряды...

© Гусев В. Б., 2004

© Эксмо, 2004

Содержание

Глава I	6
Глава II	13
Глава III	20
Глава IV	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Валерий Гусев

Привет от тети Моти

Глава I «Он уехал в танке!»

Каникулы у нас начались не очень удачно. Сначала во всем доме на все лето отключили горячую воду, и стало очень неуютно под родной крышей. Особенно по утрам, когда мама заставляла нас умываться ледяной водой. И вечерами, когда она заставляла нас мыть ноги перед сном.

Каждый вечер:

– Алексей! Мыть ноги и спать!

– Мам, – безнадежно ноет Алешка, – вода холодная.

– Подумаешь, какие нежности, – мама беспощадна.

Алешка, надутый, плетется в ванную, включает воду и издает дикий вопль.

– Жестокий ты человек, – папа вздыхает и качает головой.

– Не растает, – говорит мама.

Можно подумать, что от холодной воды все только и делают, что тают от удовольствия.

Но Алешка, как скоро выяснилось, не очень-то и страдал. Он садился на край ванны, свесив ноги наружу, включал по сильнее воду и... орал во весь голос. А потом, на всякий случай, немного мочил свое полотенце и вешал его на место.

Когда я, совершенно случайно, обнаружил эту фишку, Алешка подмигнул мне и заорал еще пуще.

– Несчастный ребенок, – сказал я с сочувствием, выходя из ванной.

– Простудится, – вздохнул папа.

– Или охрипнет, – прибавил я.

– Я бы ему кое-что посоветовал, – задумчиво произнес папа, оглядываясь на маму, – но, боюсь, это непедагогично.

Что хотел Алешке посоветовать папа, я узнал (совершенно случайно) в тот же вечер, когда настала его очередь принимать водные процедуры.

Нет, папа не орал от ледяной воды. Он тоже сидел на краю ванны, в которую эта самая вода вхолостую хлестала ледяной струей, и спокойно курил свою трубку.

И тоже мне подмигнул.

– Несчастный ребенок, – сказал я с сочувствием, выходя из ванной комнаты. Мне было жалко самого себя. За то, что не додумался до такой простой вещи.

Но зато тут же додумался до другой вещи. Еще более простой.

– Пап, – невинно сказал я на следующий день за завтраком, – наш класс сегодня в театр идет. Ты не позволишь взять твой бинокль на вечер?

Этот бинокль, который подарили папе немецкие коллеги по Интерполу, неприкосновенен. Он уникальный, даже со встроенным прибором ночного видения. Папа держит его в запечатанном ящике стола.

– Конечно, сынок, – радостно (сквозь зубы) сказал папа. – Конечно, бери. Ты еще спрашиваешь!

– Что это ты, отец? – удивилась мама. – Такую ценную вещь – в их руки.

Алешка тоже сразу врубился. Он поставил тарелку в мойку и спросил:

– А у меня что попросишь, Дим?

Я забрал у него на вечер его любимую игровую приставку. А ведь Алешка ее до сих пор под подушкой прячет.

Мама удивленно переводила взгляд с одного на другого и третьего и удивленно хлопала своими длинными ресницами. А потом вдруг успокоилась и расцвела:

– Как приятно! Какие вы, мои мужчины, друг о друге заботливые.

– Да! – с восторгом подхватил я. – И как мы дружно ноги перед сном моем! Ледяной водой!

Папа и Алешка тяжело вздохнули.

А наутро папа сказал решительно:

– Все! Мне эти ледяные процедуры надоели! И шантаж тоже! Едем на дачу!

– А что, – ледяным тоном осведомилась мама, – у нас на даче есть горячая вода? У нас там и до холодной-то целый километр.

– Мы ее будем греть на плитке! – сказал папа. – Или на солнышке.

И мы было совсем собрались ехать на дачу, но тут папе опять, как обычно, отменили отпуск. И направили в командировку. Куда-то в Европу.

– Ты могла бы поехать со мной, – сказал он маме, – но у нас двое совершенно неуправляемых сыновей. Их нельзя оставить одних.

– Ни на минутку, – согласилась с ним мама. – А давай возьмем их с собой?

– Чего я там не видел, в вашей Европе? – насупился Алешка. – Там одни европейцы. Мы лучше с Димой на даче проживем. Будем ноги мыть, рыбу собирать, грибы ловить.

– Лучше наоборот, – сказал папа. – Ноги собирать.

Но тут случились вечером одно за другим два события, которые разрешили эту проблему.

Сначала позвонил Бонифаций. Это наш преподаватель литературы и режиссер нашего школьного драмтеатра. Заводной до ужаса.

– Дима, – сказал он, – я тебя обрадую.

Я никогда после таких его слов не радуюсь – по горькому опыту.

– Мы едем на Кубань. Всем театром. Будем разъезжать по степным станицам и хуторам и давать спектакли в местных школах. По полной программе. Скажи, здорово!

Ну я и сказал. Правда, не очень искренне и без особой охоты.

На эту Кубань наши старшие классы раньше традиционно ездили на сбор урожая. Собирать в кубанских степях черешню и клубнику, яблоки и абрикосы. А теперь вот будем собирать зрителей.

– Повезем «Недоросль»! – захлебывался от счастья Бонифаций. – «Горе от ума». Инсценировку «Онегина». «Грозу» возьмем. Скажи, здорово!

Но тут я сказал совсем другое:

– «Онегина», конечно, возьмем. А Лешку?

Бонифаций немного завял.

– Понимаешь, Дим... Только старшие классы... Билеты на поезд... Питание... Но я постараюсь...

– Постарайтесь, Игорь Зиновьевич, – увесисто произнес я, давая понять, что другого выхода у него нет.

Как только я положил трубку, раздался еще один звонок – на этот раз в дверь. За дверью стоял бравый офицер при ремнях и погонах, с орденами на груди. Он держал ладонь у фуражки и улыбался во весь рот.

Это приехал папин двоюродный брат дядя Боря.

Ну тут начались, конечно, всякие восклицания, обнимания, хлопанья по плечу и воспоминания. Под Алешкины вопли в ванной. Он как раз «мыл» ноги перед сном.

Дядя Боря время от времени недоуменно прислушивался, а потом все-таки спросил:

– А что это у вас воет?

– Это Алешка ноги моет, – пояснила мама. – Холодной водой.

– Он у вас сороконожка, что ли? – удивился дядя Боря. – Сколько ж можно орать?

– Ему нравится, – заступился я за младшего брата.

Тут Алешка вылетел из ванной и повис у дяди Бори на шее:

– Гранаты привез?

– Целый чемодан.

Да, эти гранаты... Когда-то дядя Боря подарил нам несколько штук, учебных. Они совсем как настоящие, но совершенно безопасные. С одной такой гранатой мы с Алешкой натворили

дел... Теракт в школе придумали, бандитов повязали... Да что вспоминать! А теперь вот – целый чемодан. Большие возможности! Не зря у Алешки глаза разгорелись...

Когда мы немного успокоились от радостной встречи и расселись в кухне пить чай, мама стала рассказывать дяде Боре о своей жизни. Какие у нее прекрасные сыновья, какой великолепный муж, какие классные учителя в нашей школе. А после нее дядя Боря стал рассказывать нам о своей службе. Какой у него прекрасный танковый полк. Какие у него великолепные боевые машины. Какие классные танкисты.

– А вот недавно на ночных стрельбах...

Алешка перебил:

– А это что такое?

Дядя Боря изумился:

– Ты, Алексей, не знаешь, что такое ночные стрельбы? – Он перевел дыхание. – Это такая красота! Ну, Сергей, – сказал он папе, – как ты их воспитываешь! Придется внести коррективы. Иди, Алексей, собирайся. Поедешь со мной в часть. Попробуешь солдатской каши.

Мама почему-то при этом с испугом посмотрела на свою самую большую кастрюлю.

– Не беспокойся, – сказал ей дядя Боря. – Солдатская каша – это понятие без кастрюли. Это, образно говоря, трудности солдатской жизни.

– У него и здесь трудностей хватает, – поспешила мама, – зачем ему еще и солдатские? Пусть лучше с нами в Европу едет.

– Нет уж! – сказал папа. – Тогда трудности у Европы будут.

– А что с собой брать, дядь Борь? – решительно пресек эти споры Алешка. – Гранаты?

– Гранат у меня – целый склад.

– Ложку и кружку, – подсказал папа. А мама добавила:

– И полотенце для ног.

– Какие нежности! – возмутился Алешка. – Да у дяди Бори целый склад ложек, да, дядь Борь?

– Ложек пока хватает, – кивнул дядя Боря. – Бери личные вещи. Зубная щетка, пара белья.

– Понял! – И Алешка помчался собираться.

А мама встревоженно попросила:

– Борь, ты там за ним приглядывай, ладно?

– Не беспокойся, не пропадет твой Лешенька. Весь полк будет за ним приглядывать. Подъем, зарядочка, трехразовое питание, – дядя Боря азартно рубил воздух своим командирским кулаком... – Мытье ног перед сном, отбой! Не бойся, не пропадет!

Мама с какой-то жалостью взглянула на него и протяжно вздохнула:

– Да я, Борь, не за него боюсь, а за весь твой полк. Ты плохо знаешь Алешку. Пригляди за ним. В твоих же интересах.

– Да, – спохватился и папа. – Из танковых орудий стрелять ему не давай. А то разнесет что-нибудь важное. С первого выстрела.

– И не позволяй ему командовать, – поспешила дополнить мама, – иначе весь твой полк разбежится. И смотри, чтобы он какой-нибудь самый большой танк не угнал.

– А что, он может? – Дядя Боря, похоже, уже немного пожалел о своем поспешном решении.

– Может, – опять вздохнула мама. – Он все может. Он уже угонял воздушный шар.

– И снегоход, – добавил я.

– И подводную лодку, – добавил папа.

– И самолет, – вспомнила мама. – И верблюда.

– И пассажирский поезд, – вспомнил папа. – И паровоз.

– И бронепоезд, – вспомнил я. – И пароход «Илья Муромец».

Да, много мы с ним приключений натворили. Но... еще не вечер.

Растрогавшись от таких приятных воспоминаний, я пошел помочь Алешке. Но моя помощь уже не требовалась.

Алешка вытряхнул прямо на мою тахту все учебники из своего школьного рюкзака и мигом уложил в него все необходимое. В том числе и «Трех мушкетеров». Это его очередное увлечение. Правда, в душе он так и остался Шерлоком Холмсом. Что и подтвердили последующие события. Хотя и мушкетеры короля тоже сыграли в них важную роль. Даже решающую.

Впрочем, обо всем по порядку...

Мы вернулись на кухню. Чтобы не пропустить ничего интересного.

Дядя Боря, настоящий полковник, был еще немного бледен, но уже пришел в себя. Смирлся.

– Ладно, – сказал он. – Пусть угоняет, у меня этих танков – во!

– Ты надолго, Борис? – спросил папа. – В отпуск?

– По делам службы. Завтра обратно в полк. А к тебе заехал посоветоваться.

– Пойдем в кабинет, – сказал папа. – А то, видишь, вон какие четыре уха торчат! – И он кивнул в нашу с Алешкой сторону.

– Локаторы, – с уважением сказал дядя Боря.

Мама погнала меня в ванную, а Алешку в постель.

– Ну, мам, – заныл Алешка, – я Диму дожусь. Я без него плохо засыпаю.

– Подумаешь, какие нежности! – возмутилась мама. – Живо в постель – двенадцать часов уже!

Конечно, когда я, «вымыв» ноги по Алешкиному (только без воплей) способу, вернулся в нашу комнату, Алешка не спал. Он традиционно подслушивал – дверь в папин кабинет, где они с дядей Борей беседовали, была прикрыта неплотно. Алешка лежал на животе, подпирая подбородок ладошками.

– Интересно? – шепотом спросил я.

Алешка, не оборачиваясь, показал мне большой палец.

Я тихонько разобрал свою постель и тоже принял удобную для подслушивания позу. Мы такие мероприятия практикуем постоянно. А папа потом удивляется нашей осведомленности. А может, и не удивляется, а только делает вид.

– Ну что, Серега, воюешь? – спросил дядя Боря.

– Воюем. По всему свету, – вздохнул в ответ папа. – Дел хватает. Только что из Чечни вернулся. Мы там совместно с ФСБ классную операцию провели.

– Не секрет?

– Теперь уже не секрет. А для тебя – тем более. Давай, – нам было слышно, как в кабинете что-то тихонько звякнуло – наверное, рюмки. А потом щелкнули зажигалки. – Положение в Чечне знаешь ведь?

– Ну. Мой полк там тоже побывал, – вздохнул дядя Боря. – Большие потери понесли. И в живой силе, и в технике. Хлебнул я горяшка за своих ребят. – Он помолчал. – И чего ты там натворил?

– По нашим каналам, – продолжил папа, – получили оперативную информацию, что боевики полевого командира Гасанова готовят крупную операцию. Нападение на городское отделение милиции.

– Не слабо!

– Еще бы! Ну, конечно, понадобилось им много оружия. Вышли они на одного иностранца. Он обещал им продать партию автоматов и гранат.

– Негодяй! Вы его взяли?

– Зачем же? – усмехнулся папа. – Наоборот – даже помогли совершить эту сделку. Только вместо иностранца подставили нашего человека...

– И этим «иностранцем» стал ты? – догадался дядя Боря. – Молодец, Серега! Отважный ты у меня братец! Повязали посредников, да?

– Зачем же так сразу? – опять усмехнулся папа. – Нам надо было всю банду взять. Так что продал я им оружие. За огромные деньги.

Дядя Боря долго молчал. Наверное, вытаращил глаза и онемел от изумления. Мы с Алешкой – тоже. Хотя и без того молчали. Но глаза, конечно, выпучили. Как лягушки.

– Продал? – Дядя Боря обрел дар речи. – Бандитам? Оружие?

– Бандитам. Оружие, – подтвердил папа все с той же усмешкой. – Только не простое оружие. А с некоторыми особенностями.

– Понял! – захохотал дядя Боря, и было слышно, как он в восторге от чего-то шлепнул себя по коленям.

– Тихо ты! Ребят разбудишь, – громко прошептал папа.

Да, нас разбудишь! Как же! Мы очень крепко спим.

– Игрушки им подсунул, да? – допытывался дядя Боря.

– Вот-вот. В мастерских ФСБ изготовили автоматы, которые не стреляют. Но совсем как настоящие...

– И гранаты, – подхватил дядя Боря, – совсем как настоящие. Но которые не взрываются!

– Причем спланировали так, чтобы оружие это...

– Совсем как настоящее... – все восторгался дядя Боря.

– Да, чтобы они получили его прямо перед операцией. Чтобы проверить не вздумали.

– Дальше – еще яснее, – подхватил дядя Боря. – Окружили боевики здание милиции, «ударили» из всех стволов, швырнули гранаты, а вы их – в кольцо? Ай, молодцы!

Еще бы! А мы даже и не знали, что папа ездил в Чечню. Может, его и сейчас вовсе не в Европу посылают? И я взглянул на Алешку. Он понял мой вопросительный взгляд и прошептал:

– Он бы тогда маму с собой не стал бы уговаривать.

Да, это я не сообразил.

И мы стали слушать дальше. Еще интереснее.

– А у тебя, Борис, какие проблемы? – спросил папа после того, как опять тихонько звякнули рюмки и щелкнули зажигалки.

– Понимаешь, Серега, – как-то медленно и неуверенно начал дядя Боря, – какое-то постороннее внимание к части чувствую. Ничего, правда, определенного. Ничего конкретного. Но знаешь, будто кто-то тебе в затылок смотрит. Обернешься – никого...

– Понимаю, – серьезно согласился папа. – Обстановку обрисуй. Коротко.

– Часть находится на окраине города. Ну и, естественно, контакты бывают. Ребята мои в увольнение ходят, знакомства в городе заводят среди местного населения.

– А в городе что?

– В общем-то, спокойней, чем у вас. Особых бандитов не водится. Правда, поговаривают, что появилась недавно какая-то подозрительная фирма. Даже не фирма – игорный дом. Казино.

– Чем именно подозрительная? – уточнил папа.

– Да, понимаешь, фирмочка так себе, жиденькая. А охрана у нее – целый гарнизон. И парни в охране – очень подозрительные. И кое-кого из моих бойцов возле этого казино замечали, понимаешь?

– Играли?

– Это солдаты-то? Да на какие шиши!

– С милицией контактишь?

– В общем – да, дружно живем. Но что я им скажу? Что мне в затылок смотрят? Смешно. Да и про часть нашу разговорчики всякие пойдут...

– Вот что, Борис, – предложил папа, по голосу которого мы поняли, что он всерьез озабочен, – я подошлю к тебе человека. Незаметного. Пусть он там понаблюдает со стороны. И изнутри тоже. А потом вместе решим. Согласен?

– Спасибо, Серега. Знал, что ты мне поможешь, – обрадовался дядя Боря и спросил: – А изнутри – это как?

– Все на сегодня, – скомандовал папа. – Спать. Третий час уже.

Опять – тихий звяк рюмочек и щелчки зажигалок.

Мы с Алешкой обменялись взглядами и старательно засопели. Будто послушные детки. Которые любят холодную водичку. И не любят подслушивать.

Когда папа ушел в спальню, а дядя Боря улегся в кабинете и погасил свет, я перебрался к Алешке и строго сказал ему в самое ухо:

– Не вздумай там, в этом гвардейском полку вмешиваться в папины дела. И угонять танки. А то сдам тебя маме за твои фишки в ванной. Понял?

– Понял! – горячо шепнул Алешка в ответ. – Ни за что, Дим!

Хотелось бы верить. Да никак не верится...

А на следующий день все произошло очень быстро, четко, по-военному.

Утром позвонил радостный Бонифаций и сказал маме:

– Я договорился насчет Алексея! Мы берем его с собой!

– Опоздали, – вздохнула мама. – Он уже уехал. На танке.

– К... куда?

– На ночные стрельбы, – небрежно пояснила мама. – Я так беспокоюсь.

Беспокоилась она напрасно. Алешка вошел в танковый полк, как патрон в обойму. Правда, сначала он со всеми перессорился. У него критический ум, как говорит мама. Вот он и стал критиковать все, что ему не понравилось. Будто его назначили командиром полка вместо дяди Бори. Впрочем, я опять забегаю вперед.

Глава II

Гвардейский полк

Танковый полк дяди Бори располагался не очень далеко от Москвы. На машине – зеленом командирском «уазике» – они доехали до места всего часа за три.

За рулем сидел сержант Семечкин, чем-то похожий на любопытного воробья, который сидит на ветке, вертит головой и обо всем, что видит, весело чирикает: вон бабочка пролетела, вот на помойку что-то интересное вынесли, вон кошка голубей распугала...

Машина мчалась по шоссе. Бежала под колеса бесконечная серая лента асфальта. Мелькали по обочинам километровые столбики, дорожные знаки.

– Вон, вон, глядите! – чирикал Семечкин. – Очень смешная реклама! Такая рожа! А вон за тем перекрестком самолет стоит, памятник такой. Как настоящий! А вон там, – Семечкин махнул рукой куда-то в сторону, – там, за горами, за реками, мой родной и любимый город Кулебаки...

– На дорогу смотри, – буркнул дядя Боря. – Кулебаки... Нет такого города.

– Как это нет! – Семечкин выпустил баранку и в ужасе схватился за голову. – Как это нет, когда я там родился! Скажи, Лех!

Лешка дипломатично промолчал. Он тоже сомневался, что есть такой город.

– А вот там, – Семечкин несколько не расстроился, – там такая классная свалка! Что хочешь можно найти. В хорошем состоянии.

– Тухлую колбасу, например, – буркнул дядя Боря. – В хорошем состоянии.

– Что вы, товарищ полковник! Там техника! Даже экскаваторы попадаются. Завернем?

– Не нужны нам тухлые экскаваторы, – рассердился дядя Боря. – И свежие тоже. На дорогу смотри!

На этот раз Семечкин обиделся и очень долго молчал. Наверное, целую минуту. А потом не выдержал:

– А вот там, Лех, за поворотом...

– Крейсер «Аврора», – ехидно подсказал Алешка. Ему понравился Семечкин.

Тот рассмеялся:

– Не! За поворотом – город Званск и наш славный гвардейский полк! Да, товарищ полковник? Считай, приехали.

– Слава богу, – проворчал дядя Боря. – А то у меня уже уши заложило.

– А я сколько раз говорил, что надо полковую рацию в машину поставить. «Маяк» бы слушали.

– Мне и тебя вот так хватает! – И дядя Боря провел ребром ладони по горлу.

– Преувеличиваете, товарищ полковник, – тихо проговорил Семечкин.

А машина тем временем въехала в славный городок Званск. Он отличался от Москвы не очень – в основном маленькими размерами и узкими улочками со старинными домами. А все остальное – магазины, лотки, обменные пункты – было точно такое же. Алешке даже скучно стало. Но не сержанту Семечкину. Ему нравилось все. И все вызывало у него или дикий восторг, или молчаливое одобрение. И он опять зачирикал:

– А это кинотеатр «Восход». Там кино показывают. А это ресторан «Запад», там вино пьют. А это – казино...

– Там деньги проигрывают, – продолжил Алешка.

– А ты откуда знаешь? – удивился Семечкин.

– По личному опыту, – пояснил с усмешкой дядя Боря. И вдруг сказал: – Ну-ка, притор-мози.

Когда машина прижалась к тротуару, дядя Боря распахнул дверцу и крикнул совершенно командирским голосом:

– Товарищ сержант!

На ступеньках казино, среди сверкающих – днем! – огней, стоял боец в форме. А рядом с ним какой-то важный дядька в черном пиджаке с блестящими лацканами. Они оживленно беседовали. Но как только раздался громовой голос полковника Лукашова, «товарищ сержант» тут же направился к нему строевым шагом, а дядька с лацканами величаво растаял в гостеприимных дверях казино и окончательно исчез в его глубинах.

Боец, чеканя шаг, подошел к машине и отдал честь:

– Старший сержант Горшков! Нахожусь в увольнении.

Дядя Боря оглядел его с головы до ног, проверил документы.

– А что вы здесь делаете? – Он кивнул на двери казино.

– Ничего, товарищ полковник. Разговариваю.

– Это ваш знакомый?

– Никак нет, товарищ полковник. Он у меня огонька попросил, сигаретку прикурить.

– Ну-ну... – Дядя Боря явно был чем-то недоволен. – Не опоздайте из увольнения.

– Есть, товарищ полковник!

Дядя Боря захлопнул дверцу:

– Поехали.

– Обормот, – как-то непонятно проговорил Семечкин.

– Кто обормот? – грозно свел брови полковник Лукашов.

– Горшков, товарищ полковник. Он у них командир отделения.

– А... – Дядя Боря достал сигареты. – И что ему возле казино понадобилось? Деньги некуда девать?

– Какие у нас деньги, товарищ полковник. Особенно у обормотов.

Загадочный какой-то разговор.

Машина тем временем пересекла городок – на это понадобилось всего пять минут, проехала коротенькой улочкой и уперлась в железные решетчатые ворота с красными звездами.

– А это, – торжественно доложил Семечкин, – и есть наш славный гвардейский полк. Где примерно служит и отлично водит машину уважаемый товарищ сержант Василий Иванович Семечкин. Родом из далекого города Кулебаки.

По прибытии в часть дядя Боря вызвал в штаб старшину Баранкина и приказал, указывая на Алешку:

– Обмундировать, поставить на довольствие. Зачислить в первую роту.

– Есть, товарищ полковник! – И старшина Баранкин оглядел Алешку с головы до ног внимательным взглядом – будто снимал с него мерку.

И уже к вечеру Алешка, в пятнистом камуфляже и в черном берете, шагала рядом с дядей Борей вдоль колонны грозных танков, перед которыми стояли их экипажи, отдавая честь. То ли своему полковнику, то ли нашему Алешке.

Старшина Баранкин взял Алешку под свое крыло. Баранкин был человек основательный, семейный. Имел своих детей, скучал по ним, и общение с Алешкой было ему приятно.

– По первости, – сказал старшина, – ознакомлю тебя с расположением части. Понял?

– Еще как! – похвалился Алешка. – С первого раза.

– Отвечать на вопрос старшего по званию следует: «так точно» или «никак нет»! Понял?

– Так точно, что никак нет!

– И я тебя не понял, – признался Баранкин.

– Ну вот вы, например, спросите: какая сегодня погода? Как отвечать? «Так точно» или «никак нет»?

Старшина взглянул на Лешку с некоторой опаской и впервые задумался, что с этим мальцом будет не просто. Или очень не просто.

– Ну-ну... – Баранкин поправил фуражку и скомандовал:

– С места! С песней! Шагом марш!

И они зашагали строем, небольшим таким – из двух человек. Впереди – brave старшина, за ним – Алешка, старательно шлепая по асфальту кроссовками: солдатской обуви его размера на складе не нашлось.

Красиво шли, с песнями. Каждый со своей. И, наверное, поэтому старшина все время сбивался со строевого шага. Он басом пел боевую песню: «Броня крепка и танки наши быстры...», а Лешка, шагая за ним, во все горло визжал то ли «В лесу родилась елочка!», то ли «Спят усталые игрушки».

– Стой! Раз-два! – скомандовал старшина и затормозил возле решетчатых ворот с красными звездами на створках. Затормозил так резко, что Алешка по инерции ткнулся лбом в его поясницу.

– КПП-1! – объявил старшина. И пояснил: – Контрольно-пропускной пункт. Чтобы ни один посторонний не проник на территорию нашего славного гвардейского танкового полка. Понятно объясняю?

– Так точно! Никак нет!

– Бестолковый? – ехидно спросил старшина. – Тормоз?

– Никак нет, – ехидно ответил Алешка. – А это кто? Не посторонний? Вот он сейчас и проникнет...

За воротами стоял гражданский грузовичок-фургон «Хлеб» и готовился проникнуть на запретную территорию славной гвардейской части.

– Макароны привезли! – Баранкин похлопал себя по животу. – «Экстра-плюс»! Не бойсь, Леха, его сейчас проверят.

И правда – из стеклянной будочки рядом с воротами вышел боец с автоматом. Из фургона – водитель. Он предъявил бойцу документы и распахнул задние дверцы фургона.

Боец внимательно изучил документы, а потом заглянул внутрь кузова. Алешка, конечно, тоже. Фургончик был плотно набит уложенными до самого верха здоровенными коробками с фирменным знаком «Экстра-плюс».

Боец бегло осмотрел груз, ткнул одну из коробок стволом автомата, вернул водителю документы и, скомандовав: «Проезжай!», махнул другому бойцу в будочке.

Ворота медленно, с железным визгом, расползлись. Водитель запер дверцы, забрался в кабину. Посторонний фургончик «Хлеб» проник на территорию части и не спеша покатил по ее расположению.

Алешка почему-то усмехнулся.

И они со старшиной пошагали дальше.

...Алешка знакомился с расположением части очень старательно. С большим вниманием. Он потом, рассказывая мне эту невероятную историю, признался:

– Знаешь, Дим, мне было очень интересно. Как будто перед контрольной учебник листал.

– Не понял...

– Ну, Дим... Как будто чувствуешь, что все это очень скоро пригодится. Понимаешь? Чтобы контрольную правильно написать. И я все-все старался запомнить. Даже фургончик с макарончиками.

Да, эти макарончики те еще оказались! Впрочем, все по порядку... Скажу только, что Алешка здорово эту «контрольную» написал. Это даже не контрольная получилась, а настоящий экзамен. На сообразительность и смелость. И Алешка этот экзамен на пятерку сдал!

...Они вышли на широкую площадку, сбоку которой стояли длинные двухэтажные здания.

– Казармы. Здесь личный состав спит, отдыхает, занимается личными делами. В свободное от службы время. А эта площадка называется плац. Тут мы проводим зарядку, строевые занятия. Парад в праздничные дни. В День Победы, в День танкиста.

– А это что? – Алешка указал на высокую стену вроде каменного стенда. По верху этой стены были нарисованы всякие ордена и гвардейский значок и шла большая надпись: «Боевой путь нашей части. 1941–1945 гг.» А ниже – во всю стенку – громадная карта, на которой красные пунктиры и стрелки соединяли всякие города и другие населенные пункты.

– Боевой путь нашего полка, – с гордостью пояснил старшина Баранкин. – От Москвы до Берлина. Мы им гордимся.

– Еще бы! – сказал Алешка с уважением. – От Москвы до Берлина! – Он помолчал, а потом ехидно спросил: – А кто это рисовал? Остап Бендер?

– Не! Какой еще Брендер, – возмутился старшина и гордо похвалился: – Я рисовал. Здорово?

– Никак нет.

– Обратно не понял, – огорчился Баранкин. – Поясните, товарищ боец.

– Экспрессии мало, – заумно проговорил Алешка.

– Да... – немного растерялся старшина. – Этой... как ее... мало. Еле-еле красок хватило.

– Исправим, – решительно заявил Алешка. – Пошли дальше.

Дальнейшие пояснения старшина стал давать покороче. Чтобы опять не напороться на какую-то неведомую зверушку – экспрессию.

– Клуб танкиста. Мы там вечера отдыха проводим. Песни поем. Пляски танцуем. Один раз спектакль поставили. На песню «Три танкиста». – И уже не очень уверенно: – Здорово?

– Так точно! А это что за домик?

– Штаб полка. Туда без дела не суйся. А вот это самый главный объект. – И старшина указал на отдельно стоящее здание.

– Секретный? – шепотом спросил Алешка.

– Не то чтобы очень секретный. Но очень важный: кухня и столовая. Пищеблок, словом. И мы сейчас этот объект обследуем. И проверим.

Возле объекта стоял уже знакомый фургончик «Хлеб», и двое бойцов без автоматов, но зато в белых халатах таскали из кузова ящики с макаронами. Водитель фургона сидел на подножке и что-то жевал, чем-то запивая. А глазами по сторонам так и стрелял.

В столовой стояли ровными рядами, как солдаты в строю, столики и стулья. На каждом столе ровно посередине – большая миска с нарезанным хлебом, солонка и баночка с горчицей.

С раздачи вышел солдат, тоже в белом халате, с красной повязкой на рукаве.

– Дневальный по кухне рядовой Пчелкин! – доложил он старшине.

– Так, – распорядился старшина. – Снимаю пробу. Выдай две порции по полной программе.

– И компот?

– Обязательно. Без компота скучно. Пошли, Леха, пока на кухню, приглядим за порядком. И запомни первую солдатскую мудрость: «Лучше в армии слов нет, чем «перекур», «отбой», «обед». Запомнил?

– А вторая?

– Что вторая?

– Мудрость.

– Солдат спит, а служба идет.

На кухне Алешку поразила громадная, как танк, плита, на которой что-то бурлило в кастрюлях, похожих на бочки для бензина. Несколько бойцов сидели вокруг такого же бака и чистили в него картошку, а один солдат резал большим ножом хлеб. В углу кухни стоял какой-то странный агрегат. Вроде небольшого космического корабля после аварийной посадки.

– А это что? – спросил Алешка. – Тоже секретный объект?

– Это великий агрегат, – похвалился Баранкин. – Картофелечистка. Автоматическая. – Алешка взглянул на бойцов с кислыми лицами возле баков. Старшина понял его взгляд и пояснил: – Автоматика. Только никак ее не наладим. У нас ведь специалисты по крупному железу. А тут мелкая электроника, тонкое дело.

– Наладим, – уверенно пообещал Алешка. – Я эту электронику насквозь вижу.

Бойцы возле бака подняли головы и с надеждой взглянули на него.

– Садись, Алеха, – сказал старшина, когда они вернулись в столовую. – Сейчас попробуешь солдатские щи.

– Дядя Боря уже пугал, – сказал Алешка. – Щи из топора, что ли? А каша? Березовая? Баранкин хмыкнул.

Обед Алешке понравился. Особенно – хлеб. Мягкий, душистый.

– Сами выпекаем, – похвалился старшина.

– И капусту для щей тоже сами выпекаете?

– Пока еще нет, – как-то туманно пояснил Баранкин. – Но скоро будем. Встали! Пошли!

После обеда они еще побродили по территории части. Но уже как-то вяло. Старшина время от времени похлопывал себя по животу и зевал во весь рот, прикрывая его широкой ладонью. И пояснения давал очень кратко. Но все-таки четко:

– Боксы для хранения боевых машин.

Глубокие бетонные ниши, в глубине которых таились эти самые боевые машины в боевой готовности. Из боксов только торчали пушечные стволы. Будто прятались там, как в скворечниках, птички с длинными носами.

– Мастерские – целый завод. Котельная. Складские помещения. Склад вещевого – справа. Склад продовольственный – слева. Склад запасных частей. Оружейный, здесь хранятся боеприпасы: снаряды для танков и патроны для личного оружия.

Склады, боксы, ангары, сарай... И везде – часовые с автоматами: «Стой! Кто идет?»

И старшина Баранкин отвечал:

– Старшина первой роты Баранкин с проверяющим.

А иногда просто говорил:

– Сам, что ль, не видишь?

Наконец еще один высокий глухой забор. Ворота. Будочка.

– КПП-2! За ним полигон. Там учимся водить машины. Преодолевать препятствия. Вон дырочка, посмотри.

За забором стоял грозный рев танковых двигателей.

В дырочку хорошо было видно, как по огромному пространству носились боевые машины, вздымая за собой длинные пыльные облака. Даже деревья, окружающие полигон, стояли все серые от пыли.

– А что ты хочешь? Весь грунт траками измочалили. Пыль столбом.

– Здорово! – сказал Алешка. – Мне бы туда.

– Успеешь. – Старшина опять зевнул. – Курс молодого бойца пройдешь – и в машину.

– За пулемет?

– Это потом, на танкодроме. Вон, лесок видишь? За ним – этот самый танкодром. Там маневры проводим, учебные бои. Стрельбы.

– И ночные? – Алешка распахнул глаза.

– И ночные. Как полковник решит.

– Дядя Боря?

– Это тебе он дядя. А нам отец-командир.

– Больно много у него детей, – хмыкнул Алешка. – Небось целая тыща?

– Тыща не тыща, а военная тайна. – Старшина задумался. – Ты вот что, Леха, как в увольнительную пойдешь или в школу, особо-то не болтай. Понял?

– Так точно! А если кто спросит, я совру. Это я умею.

Старшина опять взглянул на него с высоты своего роста, вздохнул. Поверил.

Они прошли еще вдоль дальнего забора, и старшина недовольно крикнул, когда увидел, что одна его секция отцепилась от столбов и накренилась так, что образовалась большая дыра.

– Непорядок, – буркнул старшина и, запоминая, проворчал: – Надо будет сюда поставить шлагбаум. Или толкового ефрейтора. Пошли, Леха, я тебя на место определю. Где проживать-то будешь? В казарме? Или у дяди Бо... тьфу, у товарища полковника?

Когда они шли обратно меж рядами складов, Алешка заметил на земле протянутую из конца в конец блестящую проволоку.

– Сигнализация? – важно спросил он.

– Отчасти, – зевнул старшина. – Сейчас покажу. – И он громко, заливисто свистнул.

Где-то, у крайнего склада, что-то бухнуло, звякнуло – и появился, выбравшись из будки, громадный пестрый пес, вроде московской сторожевой. Он сладко потянулся, смачно зевнул – совсем как старшина, только лапой пасть не прикрыл, – и весело побежал навстречу. Под его тяжелыми прыжками дрожал асфальт и тоненько пело металлическим визгом кольцо, скользящее по проволоке.

Добежав, пес радостно подпрыгнул, сел и протянул Алешке лапу, весело сияя рыжими глазами, красным языком, белыми клыками.

– Сачок, – представил его Баранкин.

– Сачок? – изумился Алешка. – Он что, бабочек ловит?

– Он даже бабочек не ловит, – засмеялся Баранкин. – Сачком в армии называют лентяев. Тех, кто отлынивает от службы. Понял?

– Никак нет! Зачем же вы его держите? На таком ответственном посту?

Ответ был прост:

– А мы его любим.

Что ж, ответ по существу.

Алешка вежливо пожал громадную тяжелую лапу. Пес взвизгнул от восторга, вскочил и подпрыгнул на месте: цепь звякнула, земля вздрогнула.

– Он еще щенок, – сказал Баранкин. – Ему еще года нет. Легкомысленный дурачок. Невоспитанный.

– Ничего, воспитаю, – пообещал Алешка.

– А ты и это умеешь? – недоверчиво удивился старшина.

– Так точно! – вытянулся Алешка. И скомандовал: – Сидеть!

Баранкин мгновенно плюхнулся на землю.

– Да не вам, товарищ старшина, – засмеялся Алешка. – Сачок, сидеть!

Пес, преданно глядя на Алешку, торопливо, с готовностью уселся и, совсем как кошка, обвил пушистым хвостом кончики всех своих четырех лап.

– Ни фиги себе! – восхитился старшина. – Я два месяца его усадить не мог.

– Собаку, как и человека, – назидательно произнес Алешка, – надо воспитывать примером. Вставайте, товарищ старшина.

Баранкин поднялся, отряхнул пыль со штанов. Глядя на него, Сачок тоже встал и бурно отряхнулся.

Лешка и старшина громко чихнули. А Сачок чихать не стал. И правильно – это не тот пример.

Глава III

Солдатская каша

- Разрешите доложить, товарищ полковник?
- Докладывайте.
- Вверенный мне объект, – старшина Баранкин указал глазами на Алешку, – прошел инструктаж и ознакомление, а также покормлен обедом из трех блюд, включая компот.
- Добро, – сказал дядя Боря. – Устраивайте его на место жительства, а потом зайдете ко мне.
- А где устраивать? – спросил старшина. – Там или в казарме?
- «Там» – это небольшой особнячок у самого забора, который занимали офицеры полка. Они жили в нем со своими семьями. Там же жил и командир части дядя Боря. Но без семьи. Его семья жила в другом городе. Дядя Боря по ней скучал и, наверное, поэтому спросил Алешку:
- Где будешь жить? У меня на квартире или в казарме?
- Алешка задумался, поскреб макушку. Старшина и полковник ждали.
- Вообще-то... хотелось бы с вами, дядь Борь... Но это вообще-то не здорово. Скажут: дяденькин сыночек.
- Одобряю, – согласился дядя Боря. Но было видно, что он все-таки немного огорчился. К тому же он обещал присматривать за Алешкой, чтобы тот не угнал из части самый большой танк. – Товарищ старшина, определите нашего новобранца к нашим обормотам.
- Есть определить к обормотам!
- Тут Алешка обиделся. Всерьез.
- А хулиганов у вас тут нет? Мне бы с хулиганами хотелось. Надоели мне обормоты.
- Полковник и старшина рассмеялись. И объяснили:
- Это не настоящие обормоты. Это отделение бортовых мотористов. А солдаты так их называют сокращенно, в шутку.
- Ладно, – согласился Алешка. – Обормоты так обормоты. Я ведь тоже не подарочек.

В казарме Лешке понравилось. Он никогда не видел столько одинаковых вещей в одном месте. Например, тумбочек и кроватей. Они выстроились вдоль стен, как столы в столовой, и были все как одна одинаково и безупречно заправлены.

Однако старшина Баранкин в сопровождении дневального прошелся по всем тумбочкам и внимательно ознакомился с их содержимым. Несколько тумбочек он так и оставил открытыми, заметив дневальному:

- Эти тумбочки в увольнение не пойдут.
- Ясно, товарищ старшина.
- Алешка безмерно удивился:
- А что, тумбочки в вашем полку тоже в увольнение ходят?
- Старшина опять смерил его строгим взглядом:
- А как бы ты сказал?
- «Те солдаты, у которых в тумбочках замечен беспорядок, не пойдут в город в очередное увольнение».
- Старшина хмыкнул:
- В армии принято выражаться коротко и ясно. Ясно?
- Так точно, – хмыкнул и Алешка.

Две тумбочки старшина не только оставил распахнутыми, но и повесил на их дверцы драные носки, которые в этих тумбочках обнаружил.

– Эти тумбочки тоже в увольнение не пойдут? – хитренько усмехнулся Алешка.

– Эти тумбочки, – совсем уж сердито высказался старшина, – получают по два наряда вне очереди.

– Каких нарядов? Праздничных?

– Очень праздничных. Суточные наряды на кухню: картошку чистить, посуду мыть, столы накрывать, полы драить.

Алешка живо про себя смекнул, что такие «праздничные» наряды ему ни к чему. И сделал выводы...

В самом конце помещения находилась комната поменьше, где и располагалось отделение обормотов. Двери в это помещение не было – только широкий проем. Старшина показал Алешке его койку и тумбочку.

Алешка быстренько и аккуратно уложил свои вещи и отправился продолжать «ознакомление» с частью. У него уже появились кое-какие планы...

Первым делом Алешка навестил своего нового приятеля Сачка. Тот встретил Алешку так, будто всю жизнь его ждал, сидя у окошка. Впрочем, Алешку почему-то все животные так встречают, особенно коты и собаки.

Алешка немного позанимался с ним, а потом направился на плац.

Он задумчиво стоял перед облупившимся стендом, отображающим боевой путь семьдесят шестого гвардейского танкового полка в составе восьмой моторизованной дивизии. От Сталинграда до Берлина.

Сзади подошел дядя Боря и положил ему руку на плечо.

– Ну как, Алексей, осваиваешься? – спросил он заботливо. – Как тебе у нас? Глянулось?

– В целом неплохо. Но недостатки есть.

– Они везде есть, – обиделся дядя Боря за свой полк. – Даже в твоей школе.

– А мы с ними боремся.

– Представляю, – вздохнул дядя Боря. – А как тебе солдатская каша?

– Так себе, – честно ответил Алешка. Он понял вопрос буквально. – Один раз, когда мама уезжала к бабушке, она попросила папу, чтобы он сварил нам кашу.

– Ну и что? – насторожился дядя Боря.

– Примерно так же получилось, – честно ответил Алешка. И посмотрел на дядю Борю грустными глазами.

– Выбросили? – спросил дядя Боря. – На помойку?

– Зачем же? – удивился Алешка. – Мама заставила папу всю кастрюлю съесть.

– Жестоко, – вздохнул дядя Боря. И строго спохватился: – Ты на что намекаешь? – И стал виновато оправдываться: – Это временные трудности. Нам мало денег отпускают. Но скоро все изменится.

– Больше денег дадут?

– От них дождешься, как же, – проворчал дядя Боря. – Мы сами о себе позаботимся. Вон то поле, за полигоном, нам отдал соседний совхоз. И кое-какую технику. Мы его вспашем и засеем. И будет у нас своя свежая картошка. Своя свежая зелень. Мы и ферму соорудим. Свежие яички, свежее мясо. – Дядя Боря размялся. – Свежее молоко. Мы уже и сена заготовили, десять копен. На всю зиму хватит.

– Зимой я уже дома буду, – с облегчением вздохнул Алешка. И поинтересовался: – А с чем ваши солдаты сено едят?

– Ты что?! Это для коров сено!

– Надо же, – хихикнул Алешка.

– Да! А коровы – это свежее молоко. Мы уже и макароны стали хорошие покупать...

– Свежие. – Алешка был беспощаден. – Какие нежности! Не нравятся мне эти макароны.

Ах, как он был прав!

– Тебе ничего не нравится! – вспыхнул дядя Боря. – И наш боевой путь тоже? – Он указал на облезлый стенд.

– Путь нравится! – вспыхнул и Алешка. – Героический! А нарисовали какую-то карака-тицу! Недостойную такого пути.

– Что? – Дядя Боря подбоченился, строго взглянул на Алешку сверху вниз. Как и всякий командир, он не терпел возражений. – Критиковать каждый может!

Но он не знал, с кем имеет дело.

Через пять минут возле стенда возникла такая вот картина.

Две высокие лестницы-стремянки. На одной, на самом верху, – Алешка с кистью мастера в руке. На другой – старшина Баранкин. Одной рукой он бережно, но крепко держит Алешку за шиворот, другой рукой – почтительно – раскрытую баночку с краской. Внизу – два бойца, один поддерживает Алешкину стремянку, другой стремянку Баранкина. Есть еще и зрители – свободные от служебных обязанностей солдаты; они ничего не делают, только глазят, раскрыв рты. И время от времени с готовностью переставляют стремянки в нужные места по кратким и точным указаниям художника.

Наконец Алешка делает завершающий мазок и усталым движением опускает кисть в баночку. Они с Баранкиным спускаются на землю, отходят от стенда и окидывают его оценивающими взглядами.

Работа художнику удалась. Вместо кривых и невыразительных стрелок Алешка мастерски изобразил танковые колонны на марше. На месте боев он нарисовал настоящие сражения. Огненные разрывы, клубы дыма, пулеметные строчки. Красота!

Баранкин созерцает картину без слов. Он поражен.

– Вот это да! Не то что Брендер.

Тут же появляется сержант Семечкин. И вопит в восторге:

– Батальное полотно! Бородинская панорама! Ну точь-в-точь как у нас в Кулебаках.

– Такого и в Кулебаках нет, – вздыхает Баранкин. И кивает на Алешку: – Знатный хлопец. На все руки. Он нам картофельную чистку еще починит!

Так что вечером, к отбою, Алешка явился в казарму героем дня. Обормоты – молодые солдаты под командой уже известного нам старшего сержанта Горшкова – приняли его в свой коллектив с удовольствием.

А вот тут-то и выяснилось, что это отделение и есть самые настоящие обормоты. Алешка в этом быстро разобрался.

Дело в том, что в армии, как, например, и в школе, иногда встречаются глупые и ленивые люди. И их почему-то стараются собрать в одно место. В нашей школе был такой третий класс «В», где учились юные двоечники, хулиганы и лоботрясы. Так и в полку. Все командиры старались избавиться от таких ленивых оболтусов и спровадить их в отделение бортовых мотористов. Занимались эти лодыри в основном тем, что доставляли на полигон, если было нужно, запасные части к танковым моторам. Но даже и такая простая служба была им в тягость, обременительна. И так они небрежно к ней относились, что частенько привозили на полигон совсем не то, что требовалось. Вместо пальцев к танковым тракам они могли привезти лампочки для фар, вместо приводных ремней – аккумуляторные батареи. Понятно, что из-за такой службы их «тумбочки» не вылезали из нарядов вне очереди.

Ко всему прочему эти лентяи были довольно глупыми и темными людьми. Они плохо учились в школе, совершенно не читали книг, а только жевали жвачку и смотрели по телевизору тупые американские боевики. Не зря их называли обормотами.

Алешка убедился в этом в первый же вечер, после отбоя. Когда все улеглись в постели, один из обормотов по фамилии Чуня стал рассказывать, как малым детям сказку на ночь, содержание одного фильма.

Алешка слушал и едва не хохотал, отвернувшись к стенке.

– И тут этот как врежет ему в лобешник! А тот – брык и на пол, ножки кверху. А другой – сзади. Этот, значит, развернулся и прямо башкой в капот. И понеслась драчка!

И самое удивительное – остальные обормоты его слушали вздохом и все понимали: кто в лобешник, кто в капот... Кто – тот, а кто – наоборот – этот. (Кстати, этот Чуня был самый темный обормот. Как потом узнал Алешка, Чуня, например, был твердо уверен, что Мойдодыр – это город.)

...Алешка, слушая эти рассказы, сначала хихикал, а потом ему стало жалко обормотов. И он, в свою очередь, начал рассказывать одно из приключений его любимого Шерлока Холмса. И вскоре в казарме настала глубокая тишина – рассказывать Алешка умел не хуже, чем рисовать. Он ведь и артист неплохой.

И когда рассказ прервался на самом интересном месте, сначала долго все молчали, а потом командир обормотов Горшков сказал:

– Ну ты даешь, Леха! А дальше?

– Дальше – завтра. – И Алешка опять отвернулся к стенке.

И с этого вечера он незаметно для себя, вовсе об этом не задумываясь, занялся перевоспитанием этих ленивых оболтусов.

А к чему это привело, вы ни за что не догадаетесь, но скоро узнаете...

И пошла Алешкина служба – солдатская каша. Он стал заниматься со старшиной строевой подготовкой, стал изучать с сержантом «материальную часть» – технику и вооружение, стал дневалить на кухне, где с таким азартом чистил картошку, что повар тетя Люба ставила его в пример бывалым солдатам. Особенно – рядовому Мотину. Этот Мотин, которого справедливо прозвали тетя Мотя, ничего не умел. Он даже за собой плохо следил. Вечно ходил расстегнутый, со спущенным ремнем, в нечищенной обуви. И свои воинские обязанности он выполнял крайне лениво и небрежно. За что попадал на кухню чаще других.

И здесь у него ничего не ладилось. Если ему поручали порезать хлеб, он кромсал буханку такими ломтями, что их страшно было взять не только в рот, а даже в руки. Если он чистил картошку, она у него вся уходила в кожуру. Если он мыл посуду, то из нее после его мытья не стал бы есть и бродячий пес.

Старшина Баранкин почти каждый день писал командиру части рапорт с просьбой перевести Мотина во вторую роту. И всякий раз получал один и тот же ответ:

– Выполняйте свои обязанности, старшина. Вам поручено воспитывать молодых бойцов – вот и воспитывайте! Кругом! Шагом марш!

Баранкин воспитывал. Тетя Люба воспитывала. Все Мотина воспитывали. А он не воспитывался. И надо сказать, он не был глупым – он умело прикидывался дураком. «С дурака спрос меньше», – бормотал он про себя. И он не был неумехой – он был просто ленивым. И поэтому ему не поручали никаких сложных и ответственных заданий.

В общем, хорошо устроился Мотин. Правда, у него не было друзей. Его никто не любил. И он никого не любил. Особенно не любил Алешку. Потому что взрослому солдату Мотину постоянно ставили в пример крохотного солдатику Лешку.

А Лешка не обращал на него внимания – друзей Алешке хватало. И дел тоже. Он уже облазил каждый танк, поводил на полигоне бронетранспортер и терпеливо, по-солдатски ждал, когда его возьмут на танковые стрельбы. В том числе – на ночные.

Алешка, конечно, освоил всю территорию части, ознакомился со всеми ее достопримечательностями. Особенно его заинтересовал танковый музей.

Ну, музей – это красиво сказано. На самом деле в крайнем ангаре, у самого забора, стояли три боевых танка Великой Отечественной войны: тяжелый «КВ», средний «Т-34» и самый маленький и самый старенький – «Т-60». Все они были побиты снарядами и посечены осколками и имели вид седых израненных ветеранов.

Алешка, конечно, полюбил самый маленький танк – он как-то больше подходил ему своими размерами. И вызывал не чувство восхищения и уважения своей мощью, а чувство взаимопонимания. Ведь, по сути, они оба были самыми маленькими в полку.

Алешка взял над ним шефство. Ежедневно мыл из шланга, подкрашивал облупившиеся места и даже пытался заделать боевые пробоины в тонкой беззащитной броне.

А потом, обычно перед отбоем, забирался внутрь, усаживался на командирском месте в граненой башенке и вел бой со всей мировой несправедливостью – из башенки торчали малокалиберная пушчонка и спаренный с ней крупнокалиберный пулемет.

Вот с этой дружбы двух малышей и начала разворачиваться эта загадочная и опасная история...

Глава IV

«Выиграй свой миллион!»

Через пару дней полковник Лукашов вызвал Алешку в штаб.

– Товарищ полковник, рядовой Оболенский по вашему приказанию прибыл!

– Ну что, рядовой, – усмехнулся довольный дядя Боря, – по маме соскучился?

– Так точно! – Алешка не стал врать. Он никогда без нужды не врал.

– Садись, пиши маме письмо. Мой офицер едет сегодня в Москву, он передаст его твоим родителям.

– Спасибо, товарищ полковник! А можно маме какой-нибудь подарок послать?

– Конечно, она рада будет.

Алешка живо вывернул карманы на стол полковника.

– Ну ты даешь, – пробормотал дядя Боря. – Нет, так дело не пойдет. Ты бы еще танковую гусеницу мамочке послал.

На столе лежали учебная граната «Ф-1», горсть патронов к автомату, звездочки для погон.

– Патроны сдать старшине. Остальное убрать с глаз моих долой.

– Так точно! Обязательно! – Алешка засунул патроны поглубже в карман.

– Даю тебе увольнительную в город. Купишь маме какой-нибудь сувенир. Ей будет приятно. Деньги есть? Вот и отлично. Пиши письмо.

Про это письмо папа сказал, что его надо заключить в рамку и повесить на стену. Или сдать в какой-нибудь интересный музей.

«Здравия желаю, дорогие полковник и полковница!

Пишет вам рядовой 76-го гвардейского танкового полка (от Сталинграда до Берлина). Служба моя идет хорошо. Теперь я настоящий обормот. И все мои сослуживцы – тоже. Кроме дяди Бори. Питаюсь нормально, три раза в сутки. На зиму мы уже заготовили много сена. Так что голодать не будем. Дисциплина у меня тоже хорошая. Моя тумбочка в наряд на кухню чистить картошку не ходит. Зато часто ходит в увольнение. Режим соблюдаю. По команде «Отбой!» у нас наступает темное время суток.

Солдат спит, служба идет.

Привет всей вашей Европе!

Ваш любящий мл. сын-обормот».

Прочитав вслух эти строки, мама обессиленно уронила руки с письмом на колени. И подняла на папу грустные глаза. Даже испуганные немного.

– Как ты думаешь?... – начала она.

– Обормот... – задумчиво проговорил папа. – Это я понимаю. Согласен. Но почему только «теперь»?

– А сено в тумбочке? – прошептала мама. – И куда идет служба, когда он спит? – Она решительно встала. – Я еду к нему!

– Какие нежности, – усмехнулся папа и погладил ее по голове. – Ты еще будешь им гордиться.

– В увольнительной...

Где можно купить все, что нужно? Конечно, на рынке. И Алешка, переодевшись в «гражданское», помчался из городка в город. А всей дороги туда – две минуты переулком. И рынок тут же, на самом краю Званска.

Рынок как рынок. Как везде: вроде всего навалом, а найти то, что нужно, – фиг.

Алешка довольно долго бродил рядами, от палатки к палатке. От лотка к лотку. Фрукты-овощи, мясо-колбаса, молоко-масло... Рыба, картошка, обувь, косметика... Игрушки-побрякушки...

Алешка все высматривал какой-нибудь недорогой сувенир по своим невеликим деньгам. Причем старался проходить мимо торговцев с независимым и безразличным видом, не останавливая заинтересованного взгляда ни на каком товаре. Он уже знал по опыту: «Что вы хотите, молодой человек? Ах, вот этого как раз сейчас нет. Возьмите вот то». – «Да мне вот то как раз и не надо». – «Сейчас не надо, потом понадобится. Берите, берите, последний остался, да недорого».

В общем, рынок – такое место, где тебе продадут не то, что тебе нужно, а то, что у них есть.

И вот, когда Алешка притормозил у лотка со всякими безделушками, он услышал вдруг за спиной одну фразу, в которой что-то показалось ему знакомым:

– Не, Горшка покупать не надо, Толян. Он свой пацан, нормальный. Он до армии в нашей бригаде ходил.

Алешка оглянулся – какого такого горшка не надо покупать?

Два здоровых парня в спортивных, с лампасами, брюках, в черных ветровках и в белых кроссовках шли за ним вдоль рядов. Один из них потягивал из горлышка пепси, а у другого висела на плече большая сумка на «молнии».

Алешка пропустил их мимо себя и пошел следом с самым задумчивым видом, какой он смог на себя напустить. Глядя на этого озабоченного пацана, всякий подумал бы, что у него масса сложных проблем. А у Алешки сейчас всего одна проблема была: хорошенько слушать во все уши. И все подслушанное хорошенько понять.

– Не, Толян, Горшок нормальный пацан. Он здесь, в военном городке служит. Не захотел его Шеф почему-то от армии отмазать. Бабок пожалел.

– Но, вишь, Колян, поблизости он его все-таки пристроил. Шеф просто так ничего не делает.

– А то! Теперь о нем вспомнил. Обогреть, говорит, парня надо – скоро очень понадобится. Передачку ему снесешь.

– Сделаю.

У палатки с радиотехникой парни остановились, Колян что-то коротко сказал продавцу. Толян распахнул сумку. Продавец опустил в нее пачку денег, Толян небрежно кивнул, и они пошли дальше. Продавец тоскливо посмотрел им вслед и беззвучно выругался.

Алешка все понял: рэкетеры собирают дань.

И эта картина несколько раз повторилась, причем довольно однообразно: два слова продавцу – вжик «молния» – плюх пачка денег, опять «вжик» – небрежный кивок – тоскливый взгляд и несмелое ругательство.

Алешка возмутился – он совершенно не терпел несправедливости, особенно такой наглой. Огляделся – нет ли поблизости милиционера? Нет. Зато у входа в павильон «Мясо» стоит охранник в черной форме, с дубинкой на поясе и вовсю щелкает семечки. Алешка подбежал к нему:

– Вот вы здесь семечками развлекаетесь, а у вас по рынку рэкетеры шляются!

Алешка думал, охранник встрепетается и достанет пистолет: «Что? Где? Как? Ну я им!..» Немножко не так получилось.

Охранник лениво взглянул на него, смахнул с подбородка шелуху:

– Ты кто такой?

Алешка чуть было не брякнул: «Я гражданин России!», но вовремя понял – такого понятия для этого человека не существует. Разве что в насмешку. И Алешка, дав себе слово свести

с ним счета, благоразумно отступил. И затаился за машиной, из которой выгружали мороженые окорочка.

Отсюда все было хорошо видно. Как закончили свой обход Колян с Толяном, как подошли к охраннику, о чем-то с ним посмеялись, сунули ему в карман, достав из сумки, пачку денег, покурили и пошли в город.

Алешка – за ними. Ему очень нужно было убедиться, что его догадка верна: горшок и есть тот самый Горшков, командир обормотов. А если это так, то, значит, что-то затевается. Нехорошее. И чтобы этому нехорошему помешать, нужно про него узнать как можно больше.

Рэкетеры Толян с Коляном со своей сумкой, набитой отобранными у продавцов деньгами, направились по улице Мира прямо в казино. Наверное, они хотели сразу же эти деньги проиграть в какую-нибудь рулетку. Или в карты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.